

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРУДАХ В. А. РЯЗАНОВСКОГО: К ВОПРОСУ О ТРАНЗИТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ ШКОЛЫ Н. П. КОНДАКОВА*

Статья посвящена анализу культурно-исторических построений В. А. Рязановского (1884–1968) в годы его жизни в Харбине (Китай), а затем и США. Будучи специалистом в области гражданского права, в 1930-е гг. научные интересы Рязановского постепенно смещаются в область исследования древнерусской культуры и искусства. Главным образом на данный процесс оказало влияние интеллектуальное наследие Н. П. Кондакова, выразившееся как в его собственных трудах, так и в трудах представителей его школы. Помимо содержательной части работ Рязановского, концептуальные построения «кондаковцев» нашли свое применение и в идейной борьбе ученого с евразийством, а также сторонниками норманнской теории.

Ключевые слова: В. А. Рязановский, Н. П. Кондаков, русское зарубежье, древнерусская культура, Юридический факультет в Харбине, интеллектуальная история.

The paper is dedicated to the analysis of cultural-historical constructions of V. A. Riasanovsky (1884–1968) during his life in Harbin (China) and then in the USA. Being a specialist in the field of civil law, in the 1930s Riasanovsky's interests gradually shifted to the sphere of ancient Russian culture and art study. In particular this process was influenced by the intellectual legacy of N. P. Kondakov, expressed both in his own writings and in the writings of his students. In addition to the substantial part of Riasanovsky's works, the conceptual constructions of the latter found their application in the scholar's ideological struggle with Eurasianism and supporters of the Norman theory.

Keywords: V. A. Riasanovsky, N. P. Kondakov, Russian diaspora, ancient Russian culture, Faculty of Law in Harbin, intellectual history.

Интеллектуальная история насчитывает множество непроизвольных рикошетов, которые достигают адресата или будущего реципиента тех или идей, мыслей, смыслов порой в совершенно различных

* Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Интеллектуальная история как инструмент исторической экспертизы» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

областях знания и даже частях земного шара. Школа выдающегося русского ученого Н. П. Кондакова, общепризнанная и историографически осмысливаемая еще при жизни ее лидера¹ (Кондаков: 199–348), помимо линейной преемственности – самих представителей школы, а затем и их собственных учеников, находит своих приверженцев – явных и неявных – и за ее пределами. К одним из них можно отнести фигуру В. А. Рязановского.

Валентин Александрович Рязановский (1884–1968) оставил яркий след в истории русского научного зарубежья.² Родившись в Костромской губернии и закончив одну из местных гимназий, Рязановский поступает в Московский университет на юридический факультет (его учителями были С. Н. Трубецкой и П. И. Новгородцев). По окончании работает практикующим юристом, а впоследствии начинает научную и преподавательскую деятельность в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. В годы Гражданской войны Рязановский сначала профессор Томского, после – Иркутского, а затем и Дальневосточного (Владивосток) университета. Параллельно ученый занимается оформлением законов белого правительства, входит в состав различных комиссий и советов.

Но все же в первую очередь имя В. А. Рязановского ассоциируется с Юридическим факультетом в г. Харбине, где он оказался в 1922 г. В течение пяти лет – с 1924 по 1929 гг. – занимает должность декана – именно на это время выпал расцвет учебного заведения. Параллельно Рязановский по юридической линии работает на КВЖД. Уже к тому моменту он успел опубликовать ряд трудов по русскому и восточному праву – некоторые из них переиздаются и по сей день (Рязановский 2024).

Последние тридцать лет своей жизни – с 1938 до 1968 гг. – В. А. Рязановский прожил в Соединенных Штатах Америки. Хотя он не был полностью оторван от проблематики своих изысканий в годы жизни в Российской империи, а затем и Китае, его исследовательские ориентиры уже на зрелом этапе научного творчества претерпели существенную трансформацию, сместившись от историко-правовых и цивили-

1 См. приложения к 80-летию Н. П. Кондакова (сост. И. Л. Кызласова) (Кондаков 2002: 199–348). См. также историографические работы о Кондакове через призму схоларного осмысления (Алипов 2019; Kashcheev 2021 и др.).

2 Более подробно о жизни и творчестве В. А. Рязановского (См.: Хисамутдинов 2001; Зипунникова и др. 2019).

стических сюжетов в сторону культурно-исторической проблематики. Многотомный труд «Обзор русской культуры» даже использовался в качестве учебного пособия в некоторых американских вузах, где велась подготовка будущих славистов (Хисамутдинов 2001: 154).

Вопросами истории русской культуры Рязановский начал заниматься еще в Харбине. Поворотной точкой в интеллектуальной траектории В. А. Рязановского следует считать эссе «К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право» 1931 г.³ (изначально – актовая речь на очередном выпуске Юридического факультета 1930 г.) (Рязановский 1931). К этой работе ученого не раз обращались исследователи евразийства, выделяя фигуру ученого как одного из главных критиков течения на этапе его зарождения (Побединский, Остроух 2011). Рязановский писал: «Это направление рассматривает удельную Русь, как часть великого монгольского государства, развившуюся в самостоятельное (московское) государство под непосредственным влиянием монгольской культуры вообще и монгольской государственности в частности» (Рязановский 1931: 4). Для нас же принципиально важным является акцент ученого на вопросах «культуры». Так, Древнюю Русь в домонгольский период Рязановский описывает следующим образом: «Большое земледельческое и торговое государство, распадавшееся на ряд областей-уделов с несколькими хозяйственными и государственными центрами и рядом крупных городов и высокой для своего времени культурой, находившейся под влиянием, глав. обр., Запада (Византии, Кавказа и латинского Запада), но также и Востока, в особенности Персии и арабской культуры, и вместе с тем вырабатывавшее уже и свою культуру» (Рязановский 1931: 5).

В. А. Рязановский не дает четкого определения того, что он понимает под «культурой», но тем не менее, очевидно, что она осмысливается им как экспонента цивилизационного развития народа. В свою очередь, одним из важнейших аспектов такого развития является искусство. Рязановский отмечает разнообразные влияния на древнерусское искусство, в том числе восточные, но еще задолго до монгольского владычества: «Наше декоративное искусство испытало на себе влияние Востока, как мы уже указывали, раньше и независи-

3 По всей видимости, данное эссе было представлено в преддверии проводившегося в Харбине и других центрах русского зарубежья праздника «Дни русской культуры», в том числе и в 1931 г. (См.: Хохлов 2014).

мо от монголо-татар. Но возможно допустить, что некоторые мотивы заимствованы не столько от татар, сколько через татар с Востока» (Рязановский 1931: 16).

В заключении Рязановский конкретизирует географию этих влияний: «Влияние Востока на культуру России несомненно. Оно довольно разнообразно: скифо-сарматские, персидские, индийские, угро-финские, тюркские, монгольские, китайские влияния оставили здесь свой след. Но в этом разнообразном, но все же не основном влиянии в нашей культуре монголо-татарское влияние не играет не только исключительной, но и особо важной роли» (Рязановский 1931: 30). Отдельно Рязановский подчеркивал, что еще до монгольского нашествия Древняя Русь «имела свою иконопись, фресковую и миниатюрную живопись», которые находились под сильным византийским воздействием (Рязановский 1931: 12).

Данное эссе является прологом к переориентации В. А. Рязановского и постепенного создания им собственной культурно-исторической модели. Ученый выступил не только в роли критика евразийства, но и выделил основные, по его мысли, стороны в общекультурном развитии русского народа – искусство и право. Между тем, весьма характерно, что выводы ученого применительно к древнерусскому искусству, важность которого он понял уже тогда, носят весьма умозрительный характер и подчас не подкрепляются соответствующими исследованиями. Однако уже здесь мы видим некоторые пересечения со взглядами Н. П. Кондакова и его учеников (в первую очередь указание на византийские и восточные влияния на русское искусство).⁴

Полноценный поворот ученого к построению культурно-исторической модели происходит чуть позднее. Для нас особенно важен следующий факт: в июне 1931 г. из пражского Археологического института им. Н. П. Кондакова лично В. А. Рязановскому поступил запрос об известных ему специалистах или учреждениях, в сферу научных интересов которых входили бы евразийские кочевники или китайская археология. Обращение напрямую к В. А. Рязановскому как раз объяснялось недавним появлением вышеуказанной статьи о монголах. Как отмечает М. В. Ковалев, «эта работа была замечена в Праге и в ней увидели прямую связь с научными интересами кондаковцев» (Ковалев 2024: 482). В. А. Рязановский в ответном письме

4 См. работы о Н. П. Кондакове и его научном наследии (Алипов 2021; Кызласова 1985; Тункина 2013 и др.).

описал непростые обстоятельства, в которых на тот момент существовала русская наука на Дальнем Востоке и вместе с тем заявил, что ему не известны китайские специалисты данного профиля, пообещав связаться с редакцией одного из местных журналов и прислать харбинские работы в Прагу. Но что особенно важно: вместе с этим он обратился к коллегам с просьбой отправить в ответ несколько интересующих его книг. В их числе были труды выдающегося историка русского и византийского искусства Н. П. Кондакова, его не менее известного ученика – М. И. Ростовцева, а также близкого к Кондакову искусствоведа А. И. Анисимова (Ковалев 2024: 482–483). Этот научный обмен оказал решающее влияние на последующие интеллектуальные изыскания Рязановского.

В начале 1934 г. в коллегии профессоров харбинского Юридического факультета ученый выступил с докладом «Об изучении древней русской живописи» (Рязановский 1934). В первую очередь данное исследование имеет историографический характер. Рязановский, вероятно, уже на тот момент «держа в уме» более масштабный проект по истории русской культуры, очертил историю изучения «древнерусской живописи», центральное и переломное место в котором он отвел Н. П. Кондакову и его научной школе.

В. А. Рязановский обратил свое внимание на переоткрытие иконы в качестве объекта научного исследования и подчеркнул, что в таком разрезе к иконописи подошли значительно позднее светской живописи – лишь во второй половине XIX в. (Рязановский 1934: 25–27). Ученый проследил основные этапы изучения русского иконописного искусства, останавливаясь на именах Н. П. Лихачева, А. И. Успенского, Н. В. Покровского, но вместе с тем указывая на особую роль Н. П. Кондакова. Рязановский пишет: «Исключительные заслуги в области изучения византийского и русского искусства принадлежат ученику Ф. И. Буслаева акад. Н. П. Кондакову. Его многочисленные труды по изучению классического искусства и древне-русского искусства, основанные на громадных фактических знаниях и выдающейся эрудиции в вопросах древнего и средневекового искусства, освещенные строгим научным методом и художественным пониманием делают *Н.П. Кондакова* бесспорным главой наших историков искусства (курсив мой – Д. Б.)» (Рязановский 1934: 30).

Кроме того, В. А. Рязановский подчеркивает следующее: «Из ученых трудов по древней русской иконописи, вышедших после ев-

ропейской войны, наиболее ценным как по содержанию, так и по художественности издания является “Русская икона” Н.П. Кондакова <...> По богатству подвергнутого исследованию фактического материала этот труд Н.П.К. не имеет у нас равных в данной области» (Рязановский 1934: 48–49).

Особенно важно, что В. А. Рязановский упоминает и о существовании пражского Археологического института им. Н. П. Кондакова (но допускает неточность в дате его создания – 1933 г. вместо 1931 г.), выделяя и «новые имена» в изучении древнерусской живописи, среди которых были и ученики Н. П. Кондакова – Н. М. Беляев, Н. П. Толль, А. Н. Грабар и др. (Рязановский 1934: 43–44) Характерно, что Рязановский рассматривает сформировавшийся круг ученых как полноценную научную школу, чья родословная тянется еще с учителя самого Н. П. Кондакова – академика Ф. И. Буслаева.

Невооруженным взглядом заметны и некоторые реминисценции из творчества Н. П. Кондакова применительно к русскому и византийскому искусству. Так, например, Рязановский пишет о том, что русская иконопись по своему происхождению «есть ветвь великого византийского искусства, получившая самостоятельное и своеобразное развитие» (Рязановский 1934: 3). В свою очередь, «само византийское искусство сложилось на основе христианского мировоззрения под двойным влиянием: западного эллинского искусства и искусства Востока» (Рязановский 1934: 3). Эллада и Восток слились в искусстве Византии. Но при этом Рязановский обращает внимание на то, что «влияние византийского искусства было не только влиянием самой метрополии – Константинополя, но и других христианских стран и мест византийской культуры – Сирии, Палестины, Афона, Крита, Македонии, Сербии, Болгарии, Молдавии, Валахии, Грузии, Армении и нек. др.» (Рязановский 1934: 3).

Важным является акцент и на отдельных памятниках древнерусской архитектуры: В. А. Рязановский останавливается на Дмитриевском соборе во Владимире и Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском, которые Н. П. Кондаков специально рассматривал в своем докладе «О научных задачах истории древнерусского искусства» (Кондаков 1899).

Ряд суждений В. А. Рязановского по своему духу совпадают с выводами Н. П. Кондакова. Например, ученый пишет: «Византийское влияние на древне-русскую живопись, непосредственное и че-

рез страны, являвшиеся проводниками ее художественной культуры, было основным. Это влияние было той *закваской* (курсив мой – Д. Б.), которая вызвала к жизни национальные художественные силы. Византийские основы искусства, попавшие на новую, еще мало развитую художественную почву и вызвавшие к жизни национальные художественные силы, были постепенно переработаны на свой (русский) самобытный лад – что и создало самостоятельную своеобразную древне-русскую живопись» (Рязановский 1934: 8).⁵ И далее: «Искусство не перешло к нам в готовом, совершенном виде из Византии. Впитывая национальное содержание, преобразуя византийские основы и становясь национальным, наше искусство живописи прошло в XIII и XIV в. свою художественную школу, пока в XV в. не достигло совершенства» (Рязановский 1934: 13).

Так, сопоставляя эти два эссе, отчетливо видно, как модернизируются культурно-исторические построения В. А. Рязановского через переосмысление им древнерусского искусства, его места, роли и, разумеется, истоков. В первом эссе ученый наметил общие контуры культурного развития русского народа. Обрушившись с критикой на евразийство, Рязановский подчеркнул доминирующие византийские и восточные влияния на русскую культуру еще до золотоордынского нашествия, однако на тот момент в исследовательском арсенале ученого отсутствовали необходимые ему фундированные теоретические и конкретно-исторические выкладки. Для Рязановского как правоведа и в прошлом – практикующего юриста – чрезвычайно важно было иметь доказательную базу, на которую можно было опереться. На примере второго эссе мы отчетливо видим, что такой базой для него стало научное наследие Н. П. Кондакова и его школы.⁶

В полной мере данный вывод подтверждает *opus magnum* американского периода жизни В. А. Рязановского – многотомный «Обзор

5 В отечественной историографии к такому пониманию взаимодействия культур порой применяют термин «комбинационизм» (См.: Клейн 1975), а также «неклассический диффузионизм», родоначальниками которого как раз-таки принято считать Н. П. Кондакова и некоторых его учеников (См.: Алипов 2017, 2021).

6 Не лишним будет предположить, что особое внимание В. А. Рязановского к истории древнерусской иконописи было продиктовано и его личными воззрениями. По свидетельству сына, известного американского русиста Н. В. Рязановского, их семья была религиозной и придерживалась православного вероисповедания. Вероятно, этот синтез факторов и влияний и вывел ученого на новые исследовательские траектории (Riasanovsky 1998: 12–13).

русской культуры» (первый том посвящен периоду до конца XVII в.), который увидел свет в 1947 г. Во введении ученый отмечает «общий характер» книги, углублению которого препятствовал недостаток необходимых работ по данной тематике. По задумке автора, данный труд «в виду недостатка общих работ по русской культуре и в виду малого распространения сведений о русской культуре за границей, может принести некоторую пользу» (Рязановский 1934: 5).

Сам по себе труд В. А. Рязановского имеет описательный позитивистский характер и представляет собой масштабную сводку разнообразных сведений из русской истории, искусства, права, языка, переплетение которых и составило понимание ученым «культуры». Рязановский, наследуя определенные интонации и непосредственно ссылаясь на труды «Московской исторической школы» или «школы Ключевского (в университетские годы он посещал лекции последнего), стоит на позициях многофакторности – не случайно он рассматривает совершенно различные стороны жизни «государства и общества», однако во главу угла ставит уже не столько социально-экономические или политические процессы, сколько культурные. К слову, анти-евразийский тон ученого в том числе вписывается в общую парадигму трудов Ключевского и ряда его учеников.

Культура мыслится В. А. Рязановским предельно широко, движется и развивается она в прямой взаимосвязи с общим развитием «государственного и общественного строя», искусства, права, ремесел и промыслов, повседневности и городской жизни. Можно сказать, что культура для Рязановского – это многофакторный срез цивилизационного, интеллектуального и духовного развития того или иного народа. Культура не существует изолированно и проходит в своем развитии несколько стадий: «Ни один культурный народ не живет изолированно от других. Он входит в сношения с другими народами, испытывает влияния их культур и сам своей культурой оказывает влияние на другие народы. Так было и с русским народом» (Рязановский 1947: 66).

Между тем отмеченный во введении акцент на «т.н. духовной культуре» (Рязановский 1947: 5) предопределял некоторые акценты в повествовании на тех сторонах народной жизни, которые имели отношение к области искусства.⁷ В. А. Рязановский, используя доступные

7 Пожалуй, именно этим труд В. А. Рязановского принципиальным образом отличался от «Очерков русской культуры» П. Н. Милокова.

ему труды по древнерусскому искусству, подробно описывает различные ее проявления: от эпоса, сказаний, фольклора до скульптуры, декоративного искусства – скани, эмали, шитья, и, разумеется, иконописи.

Привлекаемый В. А. Рязановским историографический материал, ссылки и упоминания отдельных исследователей ввиду избранного им позитивистского описательного подхода составляют первооснову повествования и во многом обуславливают выводы ученого – такой ракурс и был задуман автором. При этом мы встречаем почти тотальное доминирование идей Н. П. Кондакова⁸ и его школы. К трудам самого Никодима Павловича автор обращается более шестидесяти раз, примерно столько же составили ссылки на его ученика – Д. В. Айналова, чуть меньше – М. И. Ростовцева, несколько раз упомянуты труды Н. М. Беляева, С. А. Жебелёва, Н. П. Толля, Е. К. Редина, А. Н. Грабара и др. Разумеется, В. А. Рязановский не обходит стороной и советское искусствознание. Можно встретить ссылки на монографии М. В. Алпатова, И. Э. Грабаря, Н. И. Брунова. Нередко ученый приводит выдержки из трудов П. П. Муратова. Однако роль интеллектуальных построений данных авторов проявляет себя ощутимо слабее того импульса (и в количественном отношении, и концептуальном), который оказали труды Н. П. Кондакова и его учеников на построения В. А. Рязановского как в данном труде, так и в более широком разрезе его культурно-исторической модели.

Принципиальным моментом для В. А. Рязановского по-прежнему остается вопрос о влиянии монголов на русскую культуру (его эссе 1931 г. в практически неизменном виде было включено в первый том (Рязановский 1947: 381–411). Важным и вместе с тем новым штрихом становится внимание ученого и к проблеме норманизма; сам Рязановский занимает отчетливую антинорманистскую позицию (Рязановский 1947: 161–289). Следовательно, вопрос о различных влияниях на русскую культуру следует считать для него центральным.

В этой связи особенно важной является выстроенная В. А. Рязановским иерархия влияний других культур на культуру восточных славян (Рязановский 1947: 68–81). По мысли ученого, наибольшее влияние древнерусская культура испытала от Византии (в особенности после принятия христианства), а также народов Востока (глав-

8 В. А. Рязановский называет Н. П. Кондакова «выдающимся знатоком истории искусства» (Рязановский 1947: 552).

ным образом в дохристианскую эпоху). Применительно к восточным влияниям, Рязановский, опираясь на труд М. И. Ростовцева, приводит следующую мысль историка: «Относительно цивилизации восточных славян, образовавших позднее после готов и гуннов государство в южной России, тот же ученый указывает, что цивилизация их была не германская, а древняя греко иранская – скифов и сарматов с небольшими видоизменениями» (Рязановский 1947: 72). Продолжая эту же линию, Рязановский в частности исходит из иконографических изысканий Н. П. Кондакова о сходстве древнерусских миниатюр с восточными: «В основе колорита русской иконы лежит – по выражению Кондакова – сиро-египетская гамма теплых тонов» (Рязановский 1947: 75). Наименьшее влияние на русскую культуру оказали финские племена, затем – Западная Европа, и в конечном счете – норманны. Рязановский писал: «Их (норманнов) влияние в этой области было настолько незначительным, что его можно игнорировать в общем развитии русской культуры» (Рязановский 1947: 80).

В. А. Рязановский указывает на почти повсеместное влияние Византии на древнерусскую культуру (Рязановский 1947: 69–71, 154, 346, 555). Искусство же является наиболее яркой ее выразительницей (Рязановский 1947: 547). Не случайно разделам об искусстве ученый посвятил большую часть своей книги, а заключительная глава и вовсе называлась «достижения русского искусства», в которой Рязановский еще раз подвел итоги и наметил дальнейшие траектории его исторического развития. Золотоордынское же нашествие, по мысли В. А. Рязановского, не оказало существенного влияния на эту и другие стороны жизни русского народа, а лишь приостановило их на два столетия (Рязановский 1947: 160). Между тем ренессанс древнерусского искусства выпал на XV век (что было напрямую связано с творчеством Андрея Рублева, Даниила Чёрного, Дионисия и др.) – к тому моменту она обрела свой собственный национальный колорит.

Тем самым интеллектуальное наследие школы Н. П. Кондакова не только преобразило культурно-историческую модель В. А. Рязановского (и в целом послужило толчком в ее создании), наполнив ее важнейшими составляющими из области древнерусского искусства, но и стало крепким фундаментом в его идейной борьбе с евразийцами, а позднее и со сторонниками норманнской теории, поставив в основание построений ученого Византию (и связанные с ней восточные регионы) как главный фактор влияния на культуру Древней Руси.

В то же самое время на примере трудов В. А. Рязановского мы наблюдаем интеллектуальный транзит уже чисто географического свойства: волей случая научное наследие Н. П. Кондакова было пронесено сквозь три континента и одновременно крупнейших центров русского зарубежья. Тем не менее вклад Рязановского состоит не столько в выработке собственной теории (ученый, в сущности, и не ставил перед собой такой задачи), сколько в популяризации теории Кондакова в тех центрах, где его школа была не так широко известна – Китае и главным образом США.

Цитированная литература

- Алипов, П. А. «Новые контуры теории диффузионизма пантеон Пальмиры в трудах М. И. Ростовцева и К. Хопкинса». Диалог со временем 60, 2017: 301–310.
- [Alipov, P. A. «Novye kontury teorii diffuzionizma panteon Pal'miry v trudakh M. I. Rostovtseva i K. Khopkinsa». Dialog so vremenem 60, 2017: 301–310]
- Алипов, П. А. «Научное наследие Н. П. Кондакова в историографическом осмыслении его учеников и коллег». Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения 2, 2019: 12–23.
- [Alipov, P. A. «Nauchnoe nasledie N. P. Kondakova v istoriograficheskom osmyslenii ego uchenikov i kolleg». Vestnik RGGU. Seriiā: Politologiiā. Istoriīā. Mezhdunarodnye otnosheniīā 2, 2019: 12–23]
- Алипов, П. А. «Методологические поиски в рамках теории диффузионизма в российской гуманитаристике рубежа XIX–XX вв.: научная программа Н. П. Кондакова». Петербургский исторический журнал 3, 2021: 155–169.
- [Alipov, P. A. «Metodologicheskie poiski v ramkakh teorii diffuzionizma v rossiiskoi gumanitaristike rubezha XIX–XX vv.: nauchnaiā programma N. P. Kondakova». Peterburgskii istoricheskii zhurnal 3, 2021: 155–169]
- Зипунникова, Н. Н., Ю. Н. Зипунникова. «Профессор В. А. Рязановский (1884–1968): несколько штрихов к интеллектуальной биографии». Арбитражный и гражданский процесс 12, 2019: 41–45.
- [Zipunnikova, N. N., IU. N. Zipunnikova. «Professor V. A. Riāzanovskii (1884–1968): neskol'ko shtrikhov k intellektual'noi biografii». Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess 12, 2019: 41–45]
- Клейн, Л. С. «Проблема смены культур в современных археологических теориях». Вестник Ленинградского университета. Серия «История. Язык. Литература» 8, 1975: 95–103.
- [Kleĭn, L. S. «Problema smeny kul'tur v sovremennykh arkheologicheskikh teoriiākh». Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriiā «Istoriīā. Iāzyk. Literatura» 8, 1975: 95–103]
- Ковалев, М. В. Российская научная эмиграция в Чехословакии в системе международных интеллектуальных коммуникаций 1920–1970-х годов. Дис. ... док. ист. наук. Москва, 2024.

- [Kovalev, M. V. Rossiiskaiā nauchnaiā ėmigratsiia v Chekhoslovakii v sisteme mezhdunarodnykh intellektual'nykh kommunikatsiī 1920–1970-kh godov. Dis. ... dok. ist. nauk. Moskva, 2024]
- Кызласова, И. Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
- [Kyzlasova, I. L. Istoriia izucheniiā vizantiiskogo i drevnerusskogo iskusstva v Rossii (F. I. Buslaev, N. P. Kondakov: metody, idei, teorii). Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1985]
- Побединский В. Н., Д. Е. Остроух. «Проблема культурных влияний монголов на средневековое право Московской Руси: евразийцы и В. А. Рязановский». Вопросы культурологии. 2, 2011: 16–21.
- [Pobedinskiĭ, V. N., D. E. Ostroukh. «Problema kul'turnykh vliianiĭ mongolov na srednevekovoe pravo Moskovskoi Rusi: evraziitsy i V. A. Riāzanovskii». Voprosy kul'turologii. 2, 2011: 16–21]
- Рязановский, В. А. Единство процесса: Монография. Москва: ИД «Городец», 2024
- [Riāzanovskii, V. A. Edinstvo protsessā: Monografiia. Moskva: ID «Gorodets», 2024]
- Тункина, И. В. «Трагическая судьба третьего тома «Иконографии Богоматери» академика Н. П. Кондакова». [В:] Античная древность и средние века. Вып. 41: К 80-летию доктора исторических наук, профессора М. А. Поляковской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013, 354–364.
- [Tunkina, I. V. «Tragicheskaiā sud'ba tret'ego toma «Ikonografii Bogomateri» akademika N. P. Kondakova». [V:] Antichnaiā drevnost' i srednie veka. Vyp. 41: K 80 letiiū doktora istoricheskikh nauk, professora M. A. Poliākovskoi. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013, 354–364]
- Хисамутдинов, А. А. Профессор В. А. Рязановский // Россия и АТР. 1, 2001: 148–155.
- [Khisamutdinov, A. A. Professor V. A. Riāzanovskii // Rossiiā i ATR. 1, 2001: 148–155]
- Хохлов, А. Н. «Дни русской культуры в Харбине до и после 1931 г.». Общество и государство в Китае 2, 2014: 222–238.
- [Khokhlov, A. N. «Dni russkoi kul'tury v Kharbine do i posle 1931 g.». Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae 2, 2014: 222–238]
- Kashcheev, V. “Nikodim P. Kondakov and Mikhail I. Rostovtzev: A Teacher and his Disciple”. Hyperboreus: Studia classica 1/27, 2021: 50–85.
- Riasanovsky, N. V. Professor of Russian and European Intellectual History, University of California, Berkeley, 1957–1997: Interviews Conducted by A. Lage in 1996. With an introduction by R. E. Zelnik; Regional Oral History Office. The Bancroft Library. University of California, Berkeley, 1998 (University of California History Department Oral History Series). URL: <https://archive.org/details/profrussianeurope00riasrich> (дата обращения: 20.12.2024).

Источники

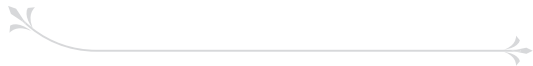
- Кондаков, Н. П. О научных задачах истории древнерусского искусства. Памятники древней письменности и искусства. Санкт-Петербург: В. С. Балашев и К°. 132, 1899, 1–47.
- [Kondakov, N. P. O nauchnykh zadachakh istorii drevnerusskogo iskusstva. Pamiatniki drevnei pis'mennosti i iskusstva. Sankt-Peterburg: V. S. Balashev i K°. 132, 1899, 1–47]
- Кондаков, Н. П. Воспоминания и думы. Сост. И. Л. Кызласовой. Москва: Индрик, 2002.
- [Kondakov, N. P. Vospominaniia i dумы. Sost. I. L. Kyzlasovoï. Moskva: Indrik, 2002]
- Рязановский, В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру. Харбин: Худож. тип., 1931.
- [Riāzanovskii, V. A. K voprosu o vliianii mongol'skoï kul'tury i mongol'skogo prava na russkuii kul'turu. Kharbin: Khudozh. tip., 1931]
- Рязановский, В. А. Об изучении древней русской живописи. Харбин: Типография Н. Е. Чинарева, 1934.
- [Riāzanovskii, V. A. Ob izuchenii drevnei russkoï zhivopisi. Kharbin: Tipografiia N. E. Chinareva, 1934]
- Рязановский, В. А. Обзор русской культуры. Исторический очерк. Часть I. Нью-Йорк: Б.и., 1947.
- [Riāzanovskii, V. A. Obzor russkoï kul'tury. Istoricheskiï ocherk. Chast' I. N'iū-Ĭork: B.i., 1947]

Даниил А. Бакланов

ИСТОРИЈА СТАРОРУСКЕ КУЛТУРЕ У РАДОВИМА В. А. РЈАЗАНОВСКОГ: КА ПИТАЊУ О ПРЕЛАСКУ ИНТЕЛЕКТУАЛНОГ НАСЛЕЂА ШКОЛЕ Н. П. КОНДАКОВА

Резиме

У раду се анализирају радови из историје културе В. А. Рјазановског. По основном образовању правник, а касније истакнути научник, историчар руског и источног права, Рјазановски тридесетих година XX века мења правац својих истраживања. Питањима историје руске културе почео је да се бави још у Харбину (Кина). Као први такав покушај сматра се есеј „Ка питању о утицају монголске културе и права на руску културу и право” из 1931. године у којима критикује

евроазијску теорију и истиче првенство византијског фактора у развоју културе Старе Русије. До средине тридесетих година XX века научник све дубље пронице у проблематику староруске уметности истичући значајну улогу школе Н. П. Кондакова за њено проучавање. Резултат дугогодишњих истраживања Рјазановског биће двотомни *Преглед руске културе* који ће се појавити у америчком периоду његовог живота. Иако полази од многофакторског приступа у осмишљавању руске историје, он смешта културни развој народа у центар свог учења. У току анализе тог рада постоје очигледан скоро свеprisутни утицај Кондаковљевих истраживачких концепција и низа његових ученика. Интелектуално наслеђе Кондаковљеве школе није само преобразило културно-историјски модел Рјазановског, већ је послужило и као чврст темељ у његовој идејној борби с евроазијцима, а касније и с присталицама норманске теорије стављајући у основу учења византијски утицај. Ипак, утицај Рјазановског не састоји се само у разради сопствене теорије колико у популаризацији Кондаковљеве у оним центрима где његова школа није била тако добро позната – у Кини и највише у САД-у.

Кључне речи: В. А. Рјазановски, Н. П. Кондаков, руска емиграција, староруска култура, Правни факултет у Харбину, интелектуална историја.